

Александр Амфитеатров

**Александр Иванович
Чупров**

Александр Валентинович Амфитеатров

Александр Иванович Чупров

«Как громом поразило меня известие о внезапной смерти Александра Ивановича Чупрова... Есть имена, сами за себя говорящие настолько выразительно, что прибавление к ним какого бы то ни было профессионального определения не только не поясняет их, но как-то даже затемняет, принижает, умаляет, суживает, почти опошляет их истинное значение. Поэт Пушкин, беллетрист Тургенев, публицист Герцен, профессор истории Грановский странно звучат в ухе русского человека, хотя Пушкин действительно был поэтом, Тургенев – беллетристом (и не любил же он это неуклюжее слово!), Герцен – публицистом и Грановский – профессором истории...»

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Александр Иванович Чупров**

Как громом поразило меня известие о внезапной смерти Александра Ивановича Чупрова... Есть имена, сами за себя говорящие настолько выразительно, что прибавление к ним какого бы то ни было профессионального определения не только не поясняет их, но как-то даже затемняет, принижает, умаляет, суживает, почти опошляет их истинное значение. Поэт Пушкин, беллетрист Тургенев, публицист Герцен, профессор истории Грановский странно звучат в ухе русского человека, хотя Пушкин действительно был поэтом, Тургенев – беллетристом (и не любил же он это неуклюжее слово!), Герцен – публицистом и Грановский – профессором истории. Имена эти стали для интеллигентных масс символами своих идей настолько полно и прочно, что попытка еще добавочно разъяснить их эпитетами и определениями уже излишня и даже как будто оскорбительна. Пушкин, Тургенев, Герцен, Грановский – четыре самопонятные созвездия идей, воплощенных в четырех исторических именах бесконечным разнообразием мысли и чувства, несчетною пестротой силы и красоты. Бывают та-

кие имена всемирные, бывают всероссийские, бывают местные. Кто, например, в Петербурге не знает и не помнит имя Ореста Миллера? А я уверен, что из знающих и помнящих это имя большинство давным-давно уже позабыло, когда и где Орест Миллер профессорствовал, какую науку читал, и хорошо или дурно. Потому что – не в том дело. Что было нужно Петербургу в Оресте Миллере, что составляло общественную суть и мысль его явления, то и осталось жить навсегда: имя превратилось в вечную идею возвышенного и самоотверженного гуманизма, а все земные временные оболочки его истлели по мере того, как сгнивало в могиле успокоенное тело.

Вот такое-то идейное местное имя для Москвы – Александр Иванович Чупров. Назвать его «профессором политической экономии и статистики» значит для ушей москвича – не сказать ничего. Значение Александра Ивановича в Москве было настолько разнообразно, настолько шире обязанностей и возможностей официальной его профессии, что, вне всяких сомнений, несмотря на весь блеск тридцатилетней чупровской профессуры, Чу-

пров как личность, *просто* Чупров, всегда за-
слонял Чупрова-профессора.

Я имел честь и счастье знать А. И. Чупрова с тех пор, как помню самого себя: он мой родной дядя, брат моей матери и мой крестный отец. Вся моя школьная юность прошла под его контролем и влиянием. Я знал его хорошо, но еще лучше узнал впоследствии, когда взрослым, стареющим человеком стал вспоминать его, – как и каким я его знал. И сейчас, когда он мертвец, сдается мне, что думать о нем и узнавать его предстоит мне еще долго-долго: наше знакомство только в начале! А между тем призраки Чупрова, вызываемые моими воспоминаниями из разных эпох, совсем не разнообразны. Во всем и всегда вижу я Александра Ивановича одним и тем же: восторженным идеалистом, энтузиастом западного прогресса, носителем и апостолом деятельной любви к ближнему – любви, больше которой никто же иметь, потому что неутомимо дышала она в мир человеческий святым заветом – полагал душу свою за други своя. Чупров сжег жизнь свою, как человек-факел, пылавший путеводным маяком

для странников, блуждающих в темной житейской ночи. Возвышенный и светлый, сиял он над болотным миром русской обывательщины и без устали нагибался и простирал руки со скалы своей, чтобы поднимать на свой уровень слабых, усталых, оробевших, отчаянных. Есть у Лонгфелло стихотворение – «Excelsior!»[1]. В этом кличе – весь Александр Иванович Чупров: всегда в высь! из мрака – к свету! из заболоченных отравами житейской пошлости долин – к вершинам, сияющим красотой и правдой немеркнущих исторических идеалов всечеловеческого единства – свободы, равенства, братства!

Excelsior!.. Девиз этот звучал мне из уст Чупрова, когда он был еще румяным и голубоглазым кандидатом прав, а я, мальчишкой, едва от земли, бегал за ним по горкам и лесам калужской глуши. Звучал он мне из тех же уст с кафедры, на которую, при громе аплодисментов, полной настолько, что некуда упасть яблоку, Большой Словесной аудитории, вошел Чупров, уже ординарный профессор, чтобы поздравить нас, первокурсников, с приобщением к *alma mater* и объяснить нам

великое значение университетского периода в жизни русского человека.

Незабвенная лекция! Даже двадцать пять лет спустя я не утратил ее волнующего впечатления. Она описана в моих «Восьмидесятниках», и я позволю себе привести здесь эту цитату, чтобы дать понять, как брал нас Чупров в мягкую, любвеобильную власть свою, за что мы его обожали:

«Вместе с своим и старшим курсом Володя горячо аплодировал любимцу московской молодежи, А. И. Чупрову, когда тот впервые показался пред аудиторией первокурсников и не успел произнести еще ни одного слова. Профессор – талантливый живой человек, из категории „мыслью честных, сердцем чистых либералов-идеалистов“ – был тронут и вместо лекции сказал блестящую речь. Восторженно сверкая увлажненными глазами из-под золотых очков, он говорил – трепетным голосом радостно взволнованного, убежденно проникнутого идеей человека – о светлом значении коротких студенческих годов для всей жизни русского интеллигента, о задачах и обязанностях образованного класса, о культурных ре-

зультатах эпохи великих реформ, многими из которых Россия всецело обязана людям, воспитавшим свой образ мыслей в лоне московской alma mater.

– Господа! – звенел в ушах Володи и поднимал его, и тянул к себе порывистый, бодрый голос, – мы пережили период необычайного нравственного подъема, выраженный рядом великих преобразований, окружавших святое дело 19 февраля 1861 года, как самую яркую звезду блестящего созвездия. Я верю, я хочу и буду верить, что славный героический период не отбыл бессрочно в прошлое! Живой дух его веет над нами, тропа его не гложет – он ждет продолжения и развития своих начал от новых поколений, идущих на смену былым бойцам и деятелям. Старое старится, молодое растет. За юностью будущее. Господа! Стены этих аудиторий полтора ста лет оглашаются заветами просвещения – во имя любви к человечеству! Лучшими и благороднейшими заветами нашей души! Господа! Наши аудитории еще помнят Тимофея Николаевича Грановского...

И профессор заговорил о Грановском, Ру-

лье, Кудрявцеве, помянул Соловьева, Никиту Крылова и своего предшественника по кафедре, политико-эконома Ивана Кондратьевича Бабста. Володя слушал, очарованный, запетый, и очнулся он – от страшного, стихийного грохота, будто в аудитории рухнул потолок. Пятьсот человек хлопали ладонями, стучали ногами, кричали протяжно, громко, весело, бежали к кафедре, лезли через скамьи. От топота и суеты пыль повисла облаком и весело заплясала в солнечных столбах, прорезавших длинный серо-голубой зал. Чупрова вынесли на руках, – и Володя завидовал студенту, которого ученый невзначай задел каблуком по голове».

Уже старая истина, что наиболее логические русские головы вырабатывались в семинарских бурсах, поднимаясь из мертвечины их, точно пышные цветы, вскормленные могильным прахом. А. И. Чупров принадлежал к тому поколению высокоталантливых семинаристов, которое открыли и выдвинули в жизнь Чернышевский и Добролюбов. Чупров умер 66 лет... Подумать только, что Добролюбову теперь было бы всего лишь 72 года: в

русской литературе, журналистике, науке, искусстве живы и действуют еще, по крайней мере, два десятка его приблизительных ровесников!.. А Чернышевский – одноклассник Львом Толстым...

Если мысль Добролюбова и Чернышевского победоносно обаяла все русское общество 60-х годов, легко представить себе, с каким восторгом принималась их идейная диктатура в молодом поколении того сословия, из недр которого они оба вышли, – в духовенстве. Это – время студентов-семинаристов и молодых священников-либералов, которым так много была обязана в начинаниях своих земская школа, подписчиков «Современника» и «Русского слова», сотрудников барона Корфа, корреспондентов «Голоса». Они заучивали наизусть стихи Михайлова и переписывали «Что делать?» Чернышевского с такою же благоговейною точностью, как их монастырские предки выводили золотом и киноварью узоры заставок к житиям Пролога. В начале 70-х годов на этот, совершенно исчезнувший впоследствии, тип духовенства обрушились жестокие синодальные гонения. Кн. Мещер-

ский, в ту пору политический романист, истребляя доносными памфлетами своими «гидру российского нигилизма», никогда не пропускал случая вывести на сцену молодого попа как потатчика, подстрекателя и соучастника всевозможных либеральных злоумышлений. Кружки передовой молодежи слагались почти при всех семинариях – был такой кружок и в городе Калуге, и из него-то вышел А. И. Чупров. В моем архиве хранятся удивительные следы самообразовательных работ, которыми увлекался он вместе с отцом моим, В. Н. Амфитеатовым, тогда преподавателем словесности в калужской семинарии. Чего только они не читали и, читая, не переписывали или не выписывали конспектами в свои аккуратные серые тетрадки! Бокль, Милль, Маколей, Огюстен Тьерри... Это – библиотека двух «кутейников» накануне посвящения в попы! Самоучками учились по-французски, по-немецки, по-английски. Кажется, была попытка издавать рукописный журнал. Еще недавно я нашел толстую тетрадь 60-х годов, мелко исписанную рукою моего отца: оказалось – «Что делать?»! Как первый ученик се-

минарии, А. И. Чупров предназначался в духовную академию, но – не без семейной борьбы – поступил в Московский университет. Кажется, значительную роль, как в этом решении, так и в существовании его, сыграл именно мой отец. Сам обреченный надеть рясу не слишком-то по собственному желанию, он употребил все усилия, чтобы спасти от нее, по крайней мере, своего любимого ученика и друга. А. И. Чупров не раз говорил мне, что всею своею литературною закваскою и подготовкою он обязан отцу моему. Молодой преподаватель, идеалист, напитанный в вифанской академии гегелианскою философией умного и даровитого дяди моего, профессора Е. В. Амфитеатрова, понял талант своего будущего зятя, употребил все усилия, чтобы дать ему сильное развитие, и уговорил отца Александра Ивановича, старозаветного мосальского протопопа, не нудить сына к духовному званию и открыть ему дорогу в университет. Отсюда, может быть, началась та странная гармония позитивизма убеждений и научных взглядов с восторженным идеализмом действия, которою определялась об-

щественная и этическая физиономия А. И. Чупрова на всех дальнейших ступенях его развития. Свое «Excelsior!» он замыслил и провозгласил еще на семинарской скамье. И с тех пор – повторяю – клич этот звучал, неизменный, в каждой статье, в каждой речи, в каждом общественном или политическом выступлении, в каждой лекции Чупрова, в каждом научном, или житейском совете, за каким обращались к нему студенты – всею ли своею громадою, тайно ли и поодиночке, как к отцу, другу, светскому духовнику. И чем дальше шло время, тем громче и увереннее звучал клич, тем тверже и любовнее сжимал в руках свое светлое знамя старый профессор, уже седобородый и маститый, подстерегаемый болезнями и смертью, но все с тем же чистым пламенем в кротких двадцатилетних глазах, таких лучистых и теплых сквозь золотые очки. Александр Иванович Чупров прожил на свете 66 лет, но ему никогда не было больше двадцати. Красивая чистота быта и ясное жизнерадостное мирозерцание «консервировали» его не только в моральной, но, в некоторых отношениях, даже и в физиче-

ской юности. Он сохранил взгляд, голос, жест, походку, прямой стан молодого человека. Когда в последний раз я видел его в Мюнхене, он заводил меня по городу до совершенного изнеможения. Я еле дышу, а старик бежит себе да бежит вперед, да еще и попрекает:

– Этакий ты, братец мой, слон, можно сказать, а устаешь! Стыдись, несчастный!

Я не видал в практическом, не книжном, примере жизни более последовательной, чем жизнь А. И. Чупрова, более гармонической в слове и в деле. В теории и в практике, на кафедре и в живой прикладной деятельности, в газетной статье и дома, в книге и на улице – он всегда являлся усердною сестрою милосердия, добровольно трудящеюся при общественных недугах. Когда обстоятельства вынудили его переселиться за границу, не только университет, не только бесчисленные общества и комиссии, душою которых он был, – вся Москва почувствовала себя осиротевшею. Ни одно искренно-благотворительное или просветительное начинание за тридцать лет московской жизни не обошлось без непосредственного или косвенного участия Алек-

сандра Ивановича. И номинально участвовать он не умел, а, что называется, впрягался в хомут и вез. Как он успевал всюду быть и все, взваленное себе на шею, приводить в движение и исполнение – прямо непостижимо бывало. На веку своем я знал лишь одного человека, столько же дробно разорванного на части разнообразием дел: В. И. Ковалевского, когда он был товарищем министра. Но В. И. Ковалевский зато и знаменит был своими почти фантастическими всюду опаздываниями. А ведь Чупров еще ухитрялся быть аккуратным, как часовая стрелка. В. И. Ковалевский всегда заставлял себя ждать, а Чупров других ждал.

Смерть снимет завесу молчания с деятельности Александра Ивановича, которую он всегда скрывал настолько тщательно, что уж именно левая рука не знала, что делала правая. Речь идет об его частной благотворительности, материальной и нравственной. Бесчисленны жертвы, которых он своею помощью или ходатайством выручал из тисков нужды, цепей невежества и несправедливых притеснений. В тяжелое, противоречивое, нервно-

метавшееся время 80-х и 90-х годов, на могилах раздавленных революционных порывов и осмеянных конституционных надежд, в обществе сердитом, но не сильном, не очнувшимся от реакционного разгрома, хилом, истерическом, совершенно не готовом к освободительной работе, были необходимы и дороги деятели-успокоители, экономеры и сберегатели сил. Чупров играл именно такую роль в среде передовых восьмидесятников. Всегда мягкий, всегда ровный, всегда враг крайностей и эксцентричных выходов, он умел и не боялся являться умиротворителем даже в моменты самых бешеных кризисов, когда казалось – кончено: осталось человеку две дороги – либо преступление и острог, либо больница для умалишенных. Особенно умел он влиять на молодежь. Бывало, иной юноша криком кричит от зрелища людской неправды, на стену лезет от негодования, измучился, изволновался, взвинтил себя, – хоть самому на нож, лишь бы неправду на нож! – и не остановить его от напрасной преждевременной жертвы ни убеждением, ни грозой. А – глядишь – побеседовал он с Чупровым, вы-

плакал ему всю свою «общественную истерику» и выходит от него задумчивый, тихий, спокойный, ждущий: с прежнею боевою готовностью на жертву самим собою, но с новою выдержкою характера, – дрессированный на партийное терпение, дисциплину и стойкость. Много матерей молит Бога за Александра Ивановича, потому что много горячих голов спас он своим словом и ходатайством на краю неминуемой преждевременной гибели и, направив их своим ласковым, разумным влиянием в русло спокойного и рабочего прогресса, сохранил их целыми и полезными как для самих себя, так и для русского общества. Этот прогрессист-постепеновец, этот Грановский 80-х годов, сберег и воспитал много сил, которым было суждено развернуть свою политическую энергию в текущем первом десятилетии XX века. Почти все левые кадеты-москвичи – ученики А. И. Чупрова. Московский конституционализм рождался и воспитывался дружною просветительною работою его самого и блестящего созвездия его товарищей – С. А. Муромцева, М. М. Ковалевского, В. А. Гольцева и других. Янжул тогда еще

был либералом, а Зверев – даже чуть не радикал!

Магнетизер-филантроп, окулист Поте излечивал глазные болезни «любовью»: он вглядывался в больного, сосредоточивая всю свою волю на желании – пусть я буду вместо тебя болен, а ты будь здоров! Не знаю, справедлива ли легенда, будто так оно и бывало, т. е. больной выздоравливал, а Поте заболел. Но роль А. И. Чупрова как утешителя, помощника и духовника страдающей и психопатической восьмидесятной Москвы очень напоминала систему бедного Поте. Дорого досталась Чупрову эта сторона его деятельности: чтобы успокоить больного, надо понять и его боль, надо, так сказать, принять ее в свое сердце. И конечно, так трагически изменившее Чупрову на старости лет сердце его заболело, переполненное чужими болями. Успокоив ближнего своего, умиротворитель не властен умиротворить самого себя: спасались други, полагалась душа! Было где развить грудную жабу и нажать смертельную сердечную болезнь! Сейчас, пока я писал последние строки, пред глазами моими живо вырос об-

раз А. И. Чупрова во время одного старого студенческого бунта, когда он выбивался из сил, здесь – убеждая, там – ходатайствуя... снующий между студенчеством и властью, точно буфер между двумя вагонами, принимающими удары справа и слева, – живой кусок железа между молотом и наковальнею!.. Помню его блестящие слезами глаза, нервно трясущиеся руки, помню надорванный голос... Это был редкий для Чупрова случай поражения. Студенты были слишком возбуждены, а начальство слишком рассвирепело, и чарующее влияние умиротворителя оказалось бессильным. Эта сцена тоже есть в «Восьмидесятниках» (во 2-м томе – «Университетская история»).

У московской интеллигенции, и в особенности у молодежи, за 70 – 90-е годы переменилось много любимцев. Были калифы на час, были продолжительные сочувствия, были временами гораздо более яркие, более страстные увлечения, чем Чупровым. Но не было более верных симпатий, не было более постоянной дружественности между человеком и обществом. Чупров никогда не афишировал-

ся, – между тем его всегда все знали. Скромность его доходила до дикой стыдливости. Простое газетное упоминание его имени уже смущало его, как реклама. Участник и долгое время в значительной степени руководитель «Русских ведомостей», он систематически избегал щегольства в печати своим именем, не подписывая даже своих экономических статей. И опять-таки всегда все знали и его, и его статьи, и многую-многую скуку прощала публика «Русским ведомостям» за порядочность и искренность чупровского слова, всегда целесообразного, строго взвешенного и крепко обоснованного. Он никогда не был писателем, который пописывает, чтобы читатель его почитывал. Общество почувствовало в Чупрове безграничную, хотя и не громкую, без крика, любовь к себе – и потому само его любило. Право, не могу представить, чтобы у Чупрова были враги. Даже когда мне случалось говорить о нем с господами из противного (во всех смыслах) стана

*ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови,*

с господами, искренно намеренными дать нашему отечеству «фельдфебеля в Вольтеры» и, упразднив науки, заняться прикладным применением розги к народному телу, – даже среди этой враждебной публики я не слышал неуважительных отзывов о Чупрове... Достаточно сказать, что памятью своего старого юношеского товарищества с Чупровым дорожил такой беспардонный и никого, кроме себя, не уважающий и в грош не ставивший господин, как В. К. фон Плевел! Сумел же человек выдержать себя до шестидесяти шести лет в такой хрустальной чистоте, что и клеветать-то на него было невозможно: осмеют! – никто не поверит!

Да, был человек без врагов, но с друзьями! И кто дружился с Чупровым однажды, тот дружился уже на всю жизнь. Я знаю случаи, когда отношения Александра Ивановича с друзьями его прерывались невольными разлуками на целые десятилетия, нисколько не теряя от того своей красивой свежести и прочности. Бывало и так, что изменившиеся обстоятельства или лагерная рознь прекращали возможность приятельской близости,

надобность встреч, бесед, общения, переписки. Но тайное тепло дружбы не угасало и – чуть являлась возможность – вспыхивало из-под многолетнего пепла живым и радостным пламенем. Под конец жизни А. И. Чупров видел многих товарищей своей молодости отошедшими от знамени, которое когда-то они вместе поднимали и несли в бой. Он нецодовал, скорбел, но не умел казнить...

*Бог на помощь! бросайся прямо в
пламя
И погибай!
Но тех, кто нес твое когда-то
знамя,
Не проклинай!
Не выдали они – они устали
Свой крест нести:
Покинул их бог мести и печали
На полпути.*

Эти некрасовские стихи с чудесною полнотою передают готовность всепрощения, которою жива была душа Чупрова. Он был из тех, кто одному раскаявшемуся грешнику рад больше, чем десяти праведным.

Если Чупров не умел терять даже разно-

мыслящих приятелей, то легко представить себе, как тесно слагалась и укреплялась годами связь его с теми из друзей, что жили с ним общим образом мыслей, одинаковыми надеждами и идеалами. С особенною нежностью любил он М. М. Ковалевского. А. И. Чупров был очень любящий родственник, но, как мне кажется, отношения идейной дружбы он ставил еще выше и самой смерти не позволял расхолаживать их. Сколько, например, усилий и хлопот положил он, чтобы увековечить память В. И. Орлова и объяснить публике громадное значение скромной и подспудной деятельности этого отца земской статистики. После убийства Иоллоса, смерти П. И. Бларамберга я получал от Александра Ивановича трогательные письма, свидетельствовавшие, что старик потрясен до глубины души и сам начинает готовиться к дороге в долину смерти. А этого не было, даже когда умер любимый брат его, Алексей Иванович.

По своей специальной науке Чупров печатал сравнительно немного, зато все издания его высоко ценятся специалистами и, путем многократных переводов, вошли в состав ев-

ропейской экономической литературы. Отличительные достоинства чупровских печатных работ – красноречивые сжатость («чтобы словам было тесно, мыслям просторно»), строго логическое построение и легкость языка. Так точно и с кафедры – его слова быстро и солидно запоминались, ложась в память ясною оживленною системою. Смерть Александра Ивановича невольно заставляет вынуть из библиотеки и повторить кое-что старое, им созданное. Вот передо мною лежит краткий курс его «Истории политической экономии». Пролистал я эту тоненькую книжку и изумился, как много я еще из нее знаю и помню... А сколько «прав» и их историй бесследно испарилось из моей головы за долгие годы, отделяющие меня от университетской скамьи. С внутренней стороны – лекции А. И. Чупрова всегда были интересны своею жизненною содержательностью. Он прекрасно помнил и исполнял завет Грановского рассматривать преподаваемый предмет как продукт и орган своего убеждения. Он никогда не заигрывал со своими слушателями громкими фразами, никогда не «популярничал», не

льстил скользящим взглядом и минутным настроением молодежи, – таких-то «либеральных профессоров» каждый университет видывал и видит десятками... и сколько из них впоследствии делалось Зверевыми и делается Гурляндами!.. Нет, Чупров, поэт в душе и энтузиаст в слове, просто делал из политической экономии предмет настолько живой и наглядно прикладной, что слушатель и сам не замечал, как глаза его прозревали на современность и он начинал понимать логику ее, которая вытекала из прошлого и из которой, в свою очередь, вытечет логика нашего будущего прогресса. С чупровским политическим и экономическим идеализмом всегда можно было спорить и не соглашаться, а теперь и подавно это – старая песня. Давно уже ценности переоценены, давно уже

*Иные люди в мир пришли,
Иные взгляды и понятия
С собою людям принесли!*

Между Чупровым и обществом уже легла широкая разделяющая полоса марксизма, с его последующими разветвлениями. Чупров

был продукт и герой интеллигенции и интеллигенцию же творил и размножал. Пролетарское мировоззрение и движение прошли мимо него. Но, как бы ни менялись течения и ни свершались времена, нельзя не отдать Чупрову исторической справедливости в том отношении, что он последовательно и неутомимо толкал мысль своих слушателей вперед, к прикладным усилиям социального прогресса, прививал им не мертвую науку для науки, но практическую, строго целесообразную программу жизни и деятельности на пользу цивилизации – родины и человечества.

В то время как я пишу это, железнодорожный поезд мчит тело А. И. Чупрова в свинцовом гробу из Мюнхена в родную, любимую им Москву. Там – на Ваганьковом кладбище, где погребены его братья и сестры, ляжет он в землю и приложится роду своему. Вероятно, на могильном холме его вырастет памятник, и на памятнике заблестит надпись... Какая?

Обыкновенно в таких случаях стараются найти характерный для покойного стих из писания. Если бы мне было поручено выбрать текст, подходящий к А. И. Чупрову, я

остановился бы на предсмертных словах апостола Павла:

«Подвигом добрым подвизался, течение свершил, веру сохранил».

В этих семи словах – полная картина великого идеалистического постоянства, сложившего почти беспримерную цельность любвеобильной жизни Чупрова. Человек без частной жизни, весь он был – добрый общественный подвиг, не изменяемый течением свершающихся лет, непоколебимо крепкий верою в «человечества сон золотой». Чупров любил человека, верил в человека и надеялся на человека. И, кроме человека, ему не надо было святынь. Праведник земли, он землею и для земли жил – и землею взят теперь...
Requiescat in pace![2]

Примечания

«Высочайший» (лат.)

[^^^]

2

Да почиет с миром! (*лат.*)

[^^^]